

НОВЫЙ САТИРИКОН

№ 14

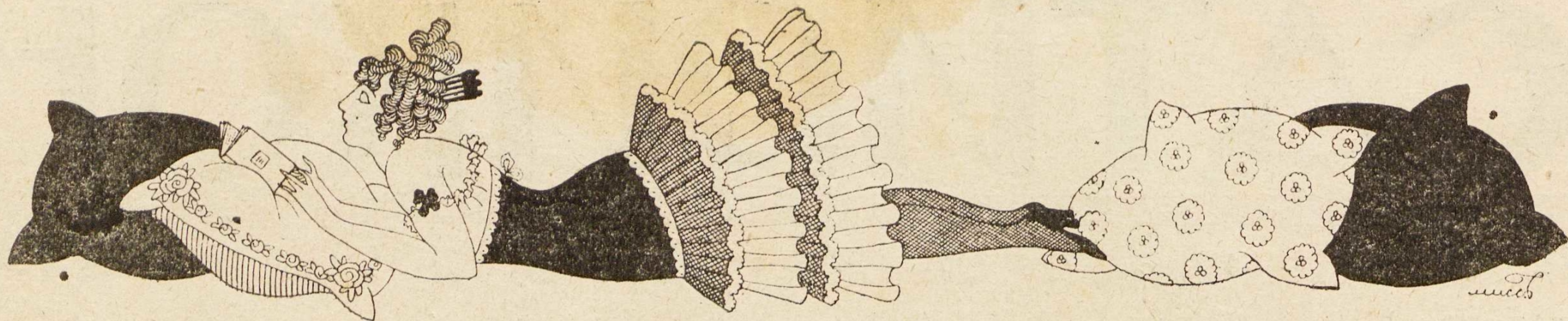
ЦѢНА ОТД. № въ розн. продажѣ 90 к. и на ст. жел. дор. 1 руб.

ІЮНЬ 1918

Какъ въ Финляндіи изъ бѣлыхъ легко превращаются въ красныхъ.

Рис. Ге. Ми.

ПОСЛѢДНІЙ ЛУЧЪ.

Какимъ сверкающимъ алмазомъ,
 На полѣ пестраго ковра,
 Лучи дробятся передъ глазомъ,
 Скользя по вазамъ
 Баккара!
 Какія трепетныя грани
 Являетъ царственный хрусталь
 На голубѣющемъ экранѣ
 Стекла холоднаго, какъ сталь!
 Какъ рѣдки
 Эти статуэтки!
 И сколько праздника души
 Вложить сумѣли наши предки
 Въ свои просторные ковши!
 И что придумать можно краше,
 Чѣмъ эти сказочныя бра,
 И эти кованныя чаши
 Изъ спѣлыхъ зеренъ серебра?
 А эта группа? Сколько воли
 Вложилъ художникъ въ этотъ торсъ!
 И тутъ же рядомъ жирондоли
 Время... Ну да—Luis XIV.
 Лѣвъѣ—Саксъ... Правѣ—бронза,
 Повыше—кружева волна,
 Пониже—прекомичный бонза
 Изъ кости стараго слона...
 А дальше ломится изъ плѣна,
 Изъ-за японскихъ хрупкихъ шторъ,
 Шитье красавца Гобелена
 На ослѣпительный просторъ.
 Какая радуга—на стѣнкѣ!
 Какой нелѣпый, щедрый богъ
 Свалилъ въ едино всѣ оттѣнки
 Минувшихъ стилей и эпохъ!
 Какая наглая сатира—
 Смѣшать игриво и легко
 Черты спокойнаго ампира
 Съ капризной вязью роккоко!
 Увы, читатель! Мы вступаемъ
 Въ орбиту жизненныхъ низинъ:
 „Все продаемъ! Все покупаемъ!
 Комиссионный магазинъ!“
 У привлекательной витрины
 Толпа кокотокъ и хлыщей...
 Идутъ обычныя смотрины
 Случайно собранныхъ вещей.
 И жадно смотрятъ незнакомки,
 Тяжелой зависти полны,
 На эти пышные обломки
 Сѣдой, красивой старины...
 И передъ ихъ овечьимъ глазомъ,
 На полѣ пестраго ковра,
 Послѣдній лучъ дрожитъ алмазомъ,
 Скользя по вазамъ
 Баккара.

Владиміръ Воиновъ.

ОТЪ СИЦИЛИСТА ЧЕРЕЗЪ СОЦІАЛИСТА
КЪ СИЦИЛИСТУ.

Фельетонъ Арк. Аверченко.

Быть социалистомъ для русскаго интеллигента, это все равно, что быть рюриковичемъ для русскаго дворянина.

(Не помню, кто сказалъ. Да это и не важно.)

I.

До революціи мужицкая Россія социалиста не знала. Мужичкой Россіи былъ извѣстенъ только сицилистъ.

Впервые это слово вошло въ мое сознание, когда мнѣ было 6 лѣтъ, и произнесли это слово уста моей няньки, простой доброй деревенской бабы.

— Аннушка... Ты видѣла что нибудь страшное?—спросилъ я однажды, прижимаясь щекой къ ея могучей теплой груди.

— Видѣла, Аркашенька. Какъ не видѣть.

— Что ужъ ты видѣла?

— Сицилиста видѣла.

Будто кто-то костлявой холодной лапой провелъ по моей спинѣ...

Я прижался ближе къ надежной груди и дрожащими отъ ужаса губами прошепталъ:

— А кто же онъ такой?

— Онъ-то? Въ очкахъ, какъ лѣшій.

— А что онъ дѣлаетъ?

— А въ деревняхъ колобродятъ они.

— Кого... чего?

— Колобродятъ. (какое страшное слово! Не просто бродятъ, а коло—бродятъ.) Придетъ такой анаеема и сунетъ зажигательное стеклышко въ соломенную крышу.

— А зачѣмъ?

— А для пожара.

— А пожаръ зачѣмъ.

— Вотъ тебѣ разъ—зачѣмъ! Чтобъ люди погорѣли.

Даже та примитивная логика, которая была въ то время отпущена мнѣ Провидѣніемъ для обихода—не удовлетворилась этимъ объясненіемъ.

— Погорѣли, погорѣли,—недумѣвающе пробормоталъ я.—Это мало, что погорѣли. А ему это для чего нужно?

— Сицилисту-то?

— Ну, да.

Она снисходительно потрепала меня тяжелой рукой по хрупкому плечу.

— Ему, братъ, все нужно. Прискачетъ, накрушитъ дѣловъ да и дальше. А ты спалъ бы скорѣй, а?

— А онъ въ нашу крышу стекло не всунетъ?

— Еще чего! Въ городу-то? Въ желѣзную-то?

— Въ очкахъ?—переспросилъ я.

— Онъ-то? Въ очкахъ.

— Патлатый?

— Патлатый. А спалъ бы ты, Аркашенька, а?

Легко сказать—спи! Напугала меня, дура, до родимчика, а потомъ спи.

Главное меня пугало то, что поступкамъ сицилиста нельзя было дать никакого объясненія.

Пришелъ, сунулъ въ крышу зажигательное стеклышко и запрыгалъ дальше.

Страшные люди водятся на сушѣ!

Потомъ уже, когда я подросъ, мнѣ случилось разговариваться со своимъ учителемъ—радикально настроеннымъ хохломъ Павлюкомъ.

— Кондратъ Иванычъ! А что такое со-ци-а-листь?

— О-о, братъ... Это не твоего умишка дѣло! Это люди, которые хотятъ, чтобы всѣмъ одинаково хорошо жилось!

Я ехидно спросилъ:

— А правда, что они зажигательныя стекла въ соломенныя крыши въ деревняхъ подкладываютъ?

Глубокое изумление написано на заросшем черными волосами лицѣ.

— Для чего?

— Чтобъ пожаръ былъ.

— Какой дуракъ тебѣ это сказалъ?

— Одинъ господинъ, — совралъ я, болѣя душой за безхитростную нянюку.

Преогромный болванище твой этотъ господинъ.

Этотъ краткій, но выразительный разговоръ въ корнѣхъ измѣнилъ мое мнѣніе о социалистѣ, но деревня, очевидно еще долго питалась легендой о подкладываніи зажигательныхъ стеколъ.

Потому что отношеніе деревни къ сицилисту было прямолинейное: изловивъ, его убивали.

А онъ, кроткое существо не отъ міра сего, безропотно терпѣлъ эти гоненіе и при первой же возможности „шелъ въ народъ.“

И до того былъ онъ простъ и безхитростенъ, что даже не прибѣгалъ къ переодѣванію, къ мимикріи, что умѣла дѣлать самая простая древесная бабочка или мелкая разная рыбешка, принимая въ минуту опасности цвѣтъ окружающей ея среды... Нѣтъ! Сицилисту, какъ былъ въ высокиихъ сапогахъ, очкахъ, съ длинными волосами—такъ онъ и шелъ „въ народъ,“ крича всей своей натурой:

— Вотъ—онъ, братцы, я! Любите и жалуйте.

Неизвѣстно почему, но темная деревня не любила сицилиста и не жаловала.

Его гнали. На него устраивались облавы.

— Игнашка, слышалъ? Къ попу, къ нашему, грядъ, сицилисту прѣхамши.

— Да что ты! Ахъ, мать честная! Попомнить же онъ у насъ... Гдѣ онъ сейчасъ?

— А вонъ, вишь-ты, вышелъ, за огородами чивой-то съ ребятами разговоръ разговариваетъ.

— Разговариваетъ? А къ начальству ежели его представитъ—будетъ онъ разговаривать? Заходи оттелева, гони его на меня, а мы съ Кузькой тутъ перейдемъ. Во-во. Держи его, лови! О-го-го! У-лю-лю!.. Вали его на землю, крути руки!

И вершила темная жестокая деревня темное жестокое дѣло, и расплывалась чернымъ липкимъ пятномъ деревенская страшная безсмыслица.

II.

И вдругъ—однимъ поворотомъ могучаго рычага загнанный забитый сицилисту сразу вознесся на недостижимую высоту и сразу же короновался изъ сицилистовъ въ Социалисты Его Величества Русскаго Народа.

О, Боже! Бриллианты, цвѣты, кружева... Красные флаги, марсельеза, алые банты и поцѣлуй. Брешко-Брешковскую носятъ на рукахъ. Троцкаго носятъ на рукахъ, Ленина встрѣчаютъ войска со знаменами.

Потомъ все немного перепуталось.

„Мчатся, сшиблись въ общемъ крикъ“...

Потомъ все перепуталось еще больше...

Какъ сказалъ тотъ же поэтъ о результатѣ этой живописной схватки:

Делибашъ уже на пикѣ,
А казакъ безъ головы.

Но потерявъ голову, социалистическій казакъ не опустилъ рукъ; наоборотъ, написавъ на своемъ знамени: „Грабъ награбленное“, бодро зашагалъ въ темную дремлющую деревню.

И вотъ уже:

Идутъ мужики и несутъ топоры—
Что-то страшное будетъ...

И вотъ уже претворенъ волей судьбы этотъ нарочито дурацкій стишокъ изъ „Бѣсовъ“ Достоевскаго—въ настоящую живую жизнь: пришли мужики съ топорами и сдѣлали нѣчто страшное... Раззоряли культурныя имѣнія, рѣзали племенной скотъ, рубили бессмысленно и дико рояли, картины, рѣдкія оранжереи...

Прошло еще немного времени—и вотъ уже социалистическій „обдѣнѣйшій мужикъ“ съ топоромъ въ рукѣ превращается въ мелкаго деревенскаго буржуя и кулака, и вотъ уже противъ него посылаются отряды самыхъ настоящихъ социалистовъ—уже безо всякой фальши и поддѣлки, но за то съ пулеметами.

И снова, снова „мчатся“ и снова, снова „сшиблись въ общемъ крикъ“.

Снова на деревню пришелъ социалисту, и снова грянетъ своеобразная реставрація: снова социалисту будетъ декорированъ въ—„сицилисту“.

И, боюсь я, скоро, до чрезвычайности скоро, наступитъ то время, когда выбѣжитъ на средину деревенской улицы растрепанный мужиченко и гаркнетъ на всю улицу:

— Православные, сицилисту поймайте!

— Вяжи его,—грянетъ вся остальная растрепанная полупьяная Русь.—Бей его, волоки на начальство!

— Заходи оттелева, гони его на меня, крути руки за спину...

И замкнется на многое множество темныхъ русскихъ лѣтъ желѣзный кругъ: отъ сицилисту черезъ социалисту къ сицилисту...

Арх. Аверченко.

СОРОКИ.

Огнеокія
Прилетѣли сороки.
Сорокъ сорокъ.
Принесли златобокія
Райскій цвѣтокъ.

Синій цвѣтокъ отъ синяго древа.
Раскройся-же древнее жирное чрево
Матери нашей земли.
Прими благодарный цвѣтокъ,
Что сороки тебѣ принесли.
Сорокъ сорокъ.

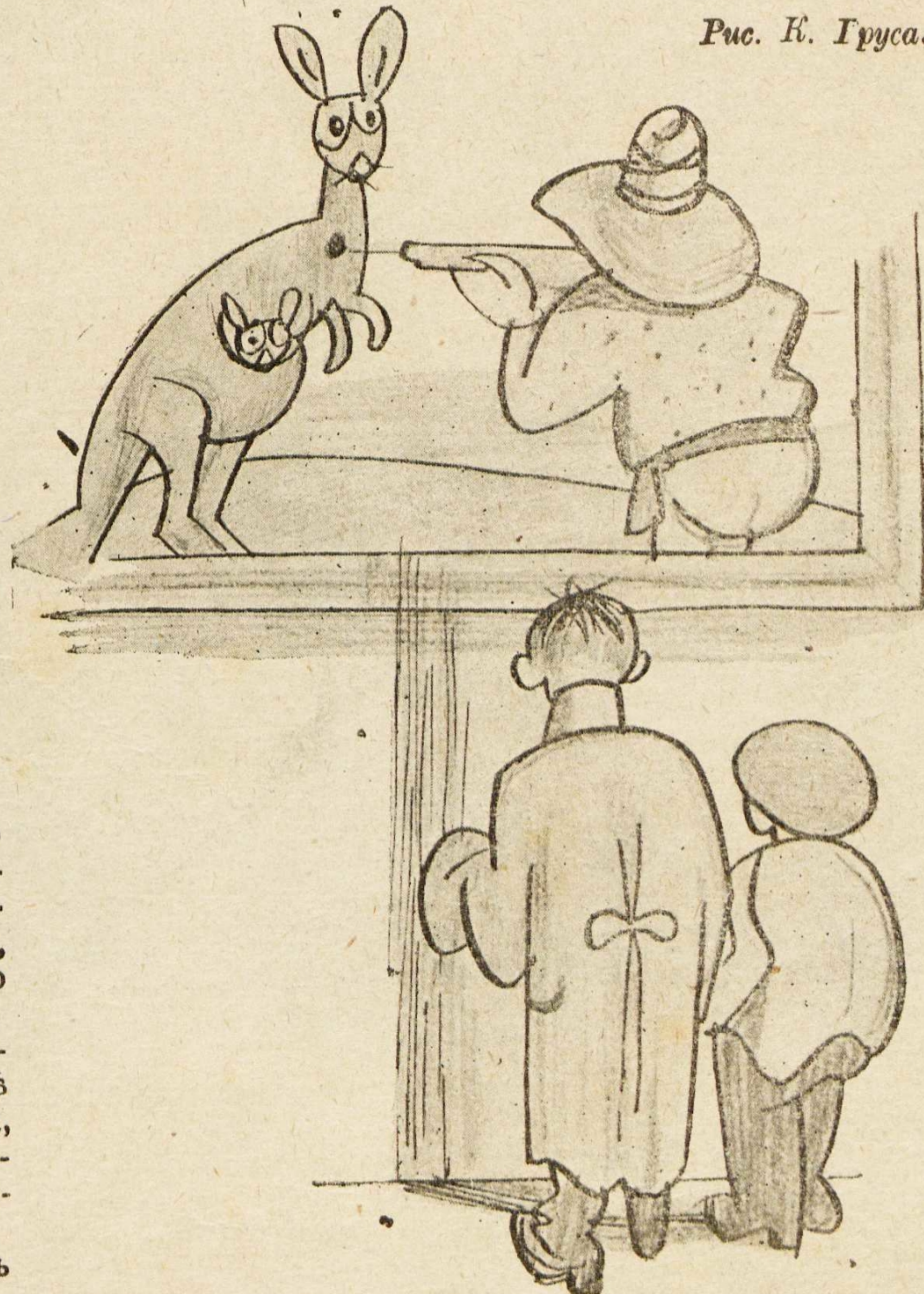
Закипитъ облаками
И взыграетъ ручьями
Озарь—весна,
Отъ цвѣтка будетъ сила
Мѣра солнцева пыла.
Для чуда—зерна.

Огнеокія
Прилетѣли сороки,
Сорокъ сорокъ.
Принесли златобокія.
Райскій цвѣтокъ.

А. Рославлевъ.

ТАЙНА ЧУЖОЙ ФЛОРЫ.

Рис. К. Груса.

— Дяденька, а что онъ это дѣлаетъ?

— А это, видишь-ли австралійскій красноармеецъ въ мѣстнаго мѣшечника стрѣляетъ...

- Ахъ, Наташа, вы опять вечеромъ подаете мнѣ утренній чай...
- Почему вы такъ думаете, барыня?
- Я прекрасно запомнила утренній чай: безъ хлѣба и безъ сахара...

ПО УКАЗУ ЛЬВОЙ НОГИ.

Раньше это дѣлалось весьма несовершенно и примитивно. Когда газета печатала статью, сообщавшую о взяточничествѣ исправника, — редактора предавали суду по обвиненію въ призывѣ къ ниспроверженію существующаго строя.

Теперь придуманъ, наконецъ, настоящій способъ, усовершенствованный и точный — для ликвидаціи русской періодической печати.

Сперва комиссаръ по дѣламъ печати вызываетъ къ себѣ редакторовъ и говоритъ:

— Господа, мы нисколько не посягаемъ на свободу слова. Критикуйте, негодуйте, пишите какія угодно статьи, какіе угодно фельетоны, — но не сообщайте ложныхъ свѣдѣній: ваша информация должна быть правдивой, честной, а главное соответствовать истинѣ.

Проходятъ два дня, — и редактора привлекаютъ къ суду.

Самый процессъ ведется приблизительно въ слѣдующихъ рамкахъ.

...Обвинитель. Граждане судьи! Обвиняемый сѣялъ смуту и панику. Вотъ напримѣръ, въ № 48 его газеты напечатана телеграмма „Изъ Копенгагена передаютъ, что нѣмцы въ ближайшемъ будущемъ намѣрены двинуться на Украину“. Развѣ это не паника, развѣ это не смута? Развѣ нѣмцы намѣрены двинуться на Украину? Нѣмцы уже давно на Украинѣ. И помѣщая замѣтку о томъ, что нѣмцы намѣрены двинуться на Украину, редакторъ газеты сознательно лжетъ, сознательно вызываетъ тревожное настроеніе. Далѣе. Въ № 55 этой же газеты напечатано: „Изъ Вера-Круцъ передаютъ, что вождь мѣстныхъ инсургентовъ Пуэдро намѣренъ свергнуть правительство“. Я спрашиваю васъ, граждане судьи, что это значитъ? Развѣ петроградскій рабочій, или петроградскій матросъ могутъ спокойно читать подобное сообщеніе? Въ Вера-Круцъ готовится переворотъ, при которомъ власть перейдетъ къ империалистамъ и капиталистическимъ хищни-

камъ. Нѣтъ, петроградскій рабочій и петроградскій матросъ не могутъ равнодушно читать о томъ, что империалисты и капиталисты посягаютъ на рабочій классъ...

Редакторъ даетъ сбивчивыя объясненія.

Обвинитель. Но этого мало. Буржуазная газета съ цѣлью дискредитировать власть, въ № 68 сообщаетъ: „Въ Сіамѣ возникла новая партія, глава которой Чунгъ-Лунгъ состоитъ верховнымъ жрецомъ бангкокскаго храма. «Что это значитъ? Мы понимаемъ что это такое. Наши сіамскіе товарищи находятся въ страшной опасности. Контръ - революціонное духовенство, стремящееся къ эксплуатаціи трудящихся массъ, подымаетъ голову...

Редакторъ оправдывается ссылаясь на отсутствіе прямого провода съ Сіамомъ.

Обвинитель. Граждане судьи! Буржуазная газета не только лжетъ, но и обманываетъ. Она помѣщаетъ на первой страницѣ крупныя заголовки, несоответствующіе изложенному въ текстѣ. Такъ напримѣръ, въ № 79 на первой страницѣ въ отдѣлѣ «новости дня» — напечатано — „Преслѣдованіе буржуазіи въ Сольвычегодскѣ“. А между тѣмъ въ текстѣ замѣтка, относящаяся къ этому заголовку, — сообщаетъ только о томъ, что сольвычегодскій совдепъ приказалъ высѣчь буржуевъ призывного возраста. Развѣ это преслѣдованіе? Несоответствіе заголовковъ съ текстомъ простирается даже на самое заглавіе газеты. Газета называется «Вечернія Свѣденія», а между тѣмъ уже въ 3 часа дня ее продаютъ на улицѣ! Я настаиваю на строгомъ наказаніи и на закрытіи сѣющей панику газеты навсегда.

Судъ послѣ четырехъ-часового совѣщенія выноситъ приговоръ:

«Редакторъ объявленъ врагомъ народа, газета закрыта на сто сорокъ восемь лѣтъ, а издатель обязанъ уплатить рабочимъ за семьдесятъ четыре гоца впередъ».

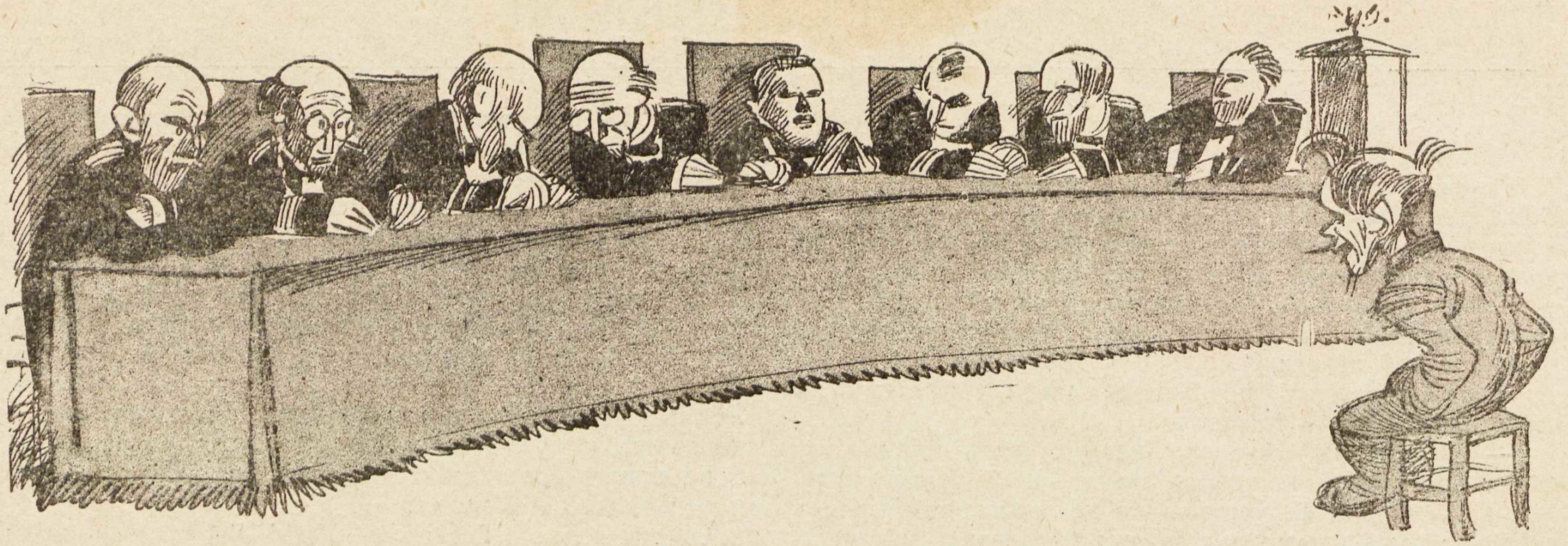
Бор. Мирскій.

ПРИВЫЧКА—ВТОРАЯ НАТУРА. Рис. В Антоновскаго.

Раньше онъ ежедневно бывалъ на биржѣ.

И теперь онъ ежедневно заглядываетъ, на биржу.

Судъ надъ печатью прежде.

МИРГОРОДЪ.

Фельетонъ Л. Аркадскаго.

Когда становится тошно и очень хочется отдохнуть — я беру любимѣйшія изъ книгъ: маленькіе, уютные томики Гоголя. Все, что только можно ласковыми кружевами сплести изъ теплаго неба, радостнаго простора, горячаго солнца, лунной жути и безконечной милой нѣжности доброй души — все это, какъ отдыхающій на прибрежномъ пескѣ добрякъ, разлеглось на четкихъ строчкахъ гоголевскихъ повѣстей.

Точно не читаешь, а видишь сонъ. Какія-то мягкія, нѣжнѣйшія руки, выростая изъ книги успокаивающе поглаживаютъ душу и душа улыбается дѣтской, улыбкой довѣрчивости и благодарности.

Недавно, послѣ суетливаго дня, полного пустыхъ разговоровъ и чужихъ людей, я цѣлую ночь пролежалъ съ томикомъ Гоголя въ рукахъ. И какъ-то назойливо все время законной мухой зудила и лѣзла въ голову мысль — а что сейчасъ было-бы съ этими людьми изъ гоголевскихъ книжекъ, что дѣлали-бы они, чѣмъ дышали и чему радовались-бы въ своемъ Миргородѣ...

И точно чья-то увлекающаа сила перенесла меня туда, опустила на эту божью клумбу изъ деревьевъ, полей и парного, сочнаго чернозема...

Я стоялъ на залитой солнцемъ улицѣ и робко прижимался къ зданію бывшаго суда, откуда когда-то бурая свинья вытащила дѣло Ивана Никифоровича Довгочуна.

— Почему стрѣльба?

— А такъ — маланхолически пояснилъ кумъ Каленникъ, привезшій въ городъ мѣшокъ картофеля и масло — стрѣляютъ. Все Перерепенко съ Довгочуномъ.

— Слышали, поди — прибавилъ онъ черезъ нѣсколько минутъ — Иванъ Ивановичъ поссорился съ Иваномъ Никифоровичемъ. Ну дѣло простое — пошли въ совдепъ. Народъ тамъ не покладистый. Лѣвый эсэръ — Пацюкъ, которому галушки въ ротъ сами летали, большевикъ Ноздревъ,

Чичиковъ примазался, опять-же на счетъ декретовъ — Поприщинъ мастерить. Дали они Ивану Ивановичу красногвардейцевъ — осаждай, говорятъ...

— А онъ?

— Осадилъ. Дѣвку Гапку уже подстрѣлил. Хорошо еще у Ивана Никифоровича пулеметь оказался. Тутъ у насъ въ областныхъ комиссарахъ Иванъ Александровичъ. Можетъ слышали — Хлестаковымъ звать. Такъ у него все достать можно. Ну, значить, пятый мѣсяць тамъ и пере-стрѣливаются...

— А начальство что смотритъ?

— Начальству некогда. Станцію Бульба занялъ. Одинъ сынъ у него съ полячкой спутался, тамъ онъ съ польскими легіонами идетъ, старшій сынъ Остапъ при отцѣ. Оба гайдамаки. И кузнецъ Вакула при нихъ; Океана царскіе башмаки-то сносила, а новыхъ Вакулѣ не выдали — да и было штиблеты, какіе Крыленко носить, такъ онъ обидѣлся и ушелъ...

— Все равно могли-бы остановить. За порядкомъ слѣдить нужно — замѣтилъ я.

— Кому слѣдить-то — отозвался Каленникъ — весь народъ занятъ. Парубки гуляютъ, налеты дѣлаютъ, а то у Солохи торчатъ за самогонкой. Который пообразованнѣе, какъ дьякъ Афанасій Ивановичъ, такъ его теперь пампушками и галушечками не достанешь: съ наукой борется и большой успѣхъ имѣетъ. На что ужъ Шпонька и его тетюшка дѣловые люди — такъ и тѣ заняты: памятникъ Марксу строятъ. Предупреждалъ ихъ Сквозникъ — Дмухановскій, что нельзя этого дѣлать и, что къ памятнику всякую дрянъ навалятъ — не помогаетъ. Строятъ...

— Такъ, такъ...

* * *

Вечеромъ я былъ у Афанасія Ивановича. Пульхерія Ивановна была мрачна и сердито выпекала маленькія лепешечки изъ овса и дуранды.

Судъ надъ печатью теперь.

— Животъ что-то болитъ—жаловался Афанасій Ивановичъ.

— Съѣли-бы можетъ быть что-нибудь—робко предложилъ я по Гоголю.

— И такъ цѣлый день жретъ—сухо остановила меня Пульхерія Ивановна—послѣдніе три фунта муки выжрала. Карточка на продовольствіе одна, а онъ за трехъ...

— А вотъ достану я пистолы—вздумалъ напугать Афанасій Ивановичъ—да пойду запишусь въ красную армію...

— И прекрасно—огрызнулась Пульхерія Ивановна—по крайней мѣрѣ и паекъ будетъ. Пошелъ-бы. Попилъ моей кровушки.

Чтобы замять разговоръ, я спросилъ какъ управляется Ничипоръ съ хозяйствомъ и лѣсомъ.

— Спасибо, батюшка—прошепталъ Афанасій Ивановичъ—пока еще не бьетъ. Спрашиваетъ его Пульхерія Ивановна, а почему это у насъ, Ничипоръ, лѣса стали рѣдкіе?—такъ онъ прямо говоритъ: а вотъ сожгу усадьбу—будешь тогда приставать, старая вѣдьма...

— Такъ и сказалъ?

— Такъ и сказалъ—вмѣшалась Пульхерія Ивановна и добавила:—ну, посидѣли, поговорили, пора и честь знать. Пошелъ-бы домой, господинъ. Нечего зря ужина-то дожидаться.

— А двери у васъ еще поютъ?—сконфуженно спросилъ я, поднимаясь съ мѣста и доставая шляпу.

— Поютъ, поютъ. Кому-же сейчасъ и пѣть, какъ не

двери. Она ужъ къ петлѣ привыкла, а намъ еще привыкать приходится...

Около усадьбы, когда я уходилъ, меня догналъ старый Чубъ и, подозрительно оглянувъ, спросилъ:

— Мандатъ имѣешь, или такъ, безмандатнымъ ходишь?..

— Не имѣю. А зачѣмъ?

— Спросить хотѣлъ. Тутъ у одного дѣда грамота пропала. Не то ее черти унесли, не то бѣлогвардейцы свиснули, а одна дивчина сказывала, что грамота у бывшихъ помѣщиковъ, вотъ тутъ, находится. Вотъ и думаемъ сходомъ—пожечь ихъ, или не пожечь...

На утро я былъ снова въ Миргородѣ.

Иванъ Никифоровичъ почти осадилъ Ивана Ивановича и уже хромой чертъ, скравшій казацкую шапку, приволокъ трехдюймовое оружіе. Быть бы Ивану Ивановичу взятымъ, да осаждающіе стали перепродавать другъ другу красную свитку и позадержались...

* * *

Какой вы фантазеръ, Николай Васильевичъ... Развѣ было въ дѣйствительности то, о чемъ вы писали... Развѣ былъ тотъ Миргородъ, о которомъ такъ сладко читать...

Стыдно-съ. А еще двойная фамилія: Гоголь-Яновскій. Съ одной фамиліей и то врать нехорошо, а вы съ двумя норовите...

А. Аркадскій.

СВОИ СООБРАЖЕНІЯ.

Рис. Б. Григорьева.

— Вы слышали: „Царскую Невѣсту“ велѣли выкинуть изъ репертуара.

— Сами понимаете—время-ли теперъ царямъ жениться...

РЕЗУЛЬТАТЪ УСИЛЕННАГО ПИТАНІЯ.

Рис. Казимира Грусса.

Въ Анліи русскимъ сахаромъ кормили свиней.

Въ Финляндію рускіе отправляли хлѣбъ.

Въ Англии, послѣ русскаго сахара, свиньи шли на ветчину.

На что-же идутъ финскія свиньи послѣ русскаго хлѣба?
На насъ они идутъ—вотъ что...

Ростовской газетѣ „Рабочее Дѣло“ сообщаетъ, что въ Новороссійской бухтѣ, въ тихіе вечера, всплываютъ и держатся на поверхности воды трупы офицеровъ, разстрѣлянныхъ на транспортахъ и выброшенныхъ въ море.

Изъ газетъ.

Рис Ре-Му.

Подвижной составъ русскаго флота.

КНИГА.

Фельетонъ Арк. Гухова

I.

Если теперь кто-нибудь хочет издавать книгу, на него смотрят такъ-же, какъ смотрѣли на такихъ людей еще до изобрѣтенія книгопечатанія.

Средневѣковые нормадцы, или англо-сансы въ этихъ случаяхъ говорили сочувственно и просто:

— Гонвардъ задумалъ что-то непутевое. Нужно ударить его плашмя большой дубовой доской, напоить горячей водой и заставить париться. Можетъ быть это подѣйствуетъ. Запускать, во всякомъ случаѣ, не слѣдуетъ.

Теперь къ человѣку съ мыслями объ изданіи книги, относятся тревожно и сочувственно.

— Вы слышали—Хуринъ собирается издавать книги. Отчего-бы это? Я ему говорилъ, что нельзя жить въ сырой квартирѣ—вотъ и достукался.

— Тутъ не квартира, а жена. Женщина она молодая, вѣтренная... Сегодня съ однимъ, завтра съ другимъ... Вотъ и довела человѣка. Скоро начнетъ еще толченое стекло бѣсть и на людей бросаться.

— Но сознайтесь, что изданіе книги—это рѣдкій видъ сумашествія. Что-то среднее между простымъ душевнымъ заболѣваніемъ и возвратнымъ тифомъ. Должно быть не успѣлъ захватить во-время.

— Онъ-же всегда былъ такой легкомысленный. Должно быть отъ отца. Отецъ у него тоже въ свое время свекловичное поле сосисками засѣивалъ...

II.

Для книги необходима бумага. Многіе считаютъ это парадоксомъ, но этотъ взглядъ ошибоченъ. Успокаиваться на томъ, что черезъ триста-четырееста лѣтъ техника умѣло шагнетъ впередъ и можно будетъ печатать на бананныхъ листахъ, или жестянкахъ отъ консервъ—легкомысленно. Поэтому прежде всего надо найти бумагу. Можно сильно сократить время этихъ поисковъ, если не обращаться туда, гдѣ обычно торгуютъ бумагой. Бумажные склады отведены подъ домовые кооперативы, а на бумажныхъ фабрикахъ или выдѣлываютъ газовые трубки, или устроены просвѣтительные клубы для мѣстныхъ районовъ.

Легче всего бумагу найти у старыхъ аптекарей, желѣзно-дорожныхъ подрядчиковъ, опереточныхъ артистовъ, или у бракоразводныхъ адвокатовъ. Узнается это путемъ простыхъ, носящихъ характеръ грустной наивности, вопросовъ:

— У васъ есть кенгуровое сало?

— Четыре вагона.

— Мало. Нужно одиннадцать.

— Тогда возьмите партію сардинъ. Есть семь вагоновъ.

— Много. Нужно три.

— Три нельзя. Возьмите партію бумаги.

Тутъ можно приступать къ переговорамъ о покупкѣ бумаги.

III.

Самый разговоръ о бумагѣ слегка напоминаетъ торговую операцию тѣхасскихъ золотоискателей, когда счастливый обладатель свѣже-выкопаннаго самородка въ понедѣльникъ требуетъ за него трубку, въ среду заламываетъ два мѣшка рису, въ пятницу уступаетъ его за веселую дѣвушку съ прошлымъ, изъ Чикаго, а въ воскресенье соглашается отдать за простое сѣдло.

Цѣна на бумагу нѣтъ. Обычай оцѣнивать ее определенной суммой считается пережиткомъ темнаго прошлаго. Стоимость бумаги опредѣляется не желаніемъ продавца, а внѣшнимъ видомъ и самочувствіемъ покупателя.

Если покупателю очень хочется купить бумагу и онъ неосторожно сознается въ этомъ, цѣна на нее растетъ съ быстротой полета толстаго человѣка съ аэроплана любой системы. Въ качествѣ придачи къ большой партіи голландскаго сыра, или костяныхъ издѣлій, бумага можетъ достаться дешево.

— Почему эта бумага?

Продавецъ смотритъ въ записную книжку, гдѣ есть единственная запись съ № какой-то накладки на какао,

щупаетъ бумагу, смачиваетъ ее языкомъ и довольный своей находчивостью мѣтко остритъ:

— Шестьдесятъ три рубля.

— Пудъ?

— Пудъ.

Сначала смѣется покупатель, потомъ продавецъ. Смѣхъ, какъ успѣли замѣтить ученые психологи, дѣйствуетъ смягчающе на человѣческую душу и цѣна сразу падаетъ на четыре рубля.

— Пятьдесятъ девять.

— Значитъ фунтъ... Пятьдесятъ на сорокъ... Девятнадцать на сорокъ... Ровно не выходитъ...

— Разъ не выходитъ, тогда восемьдесятъ. Два рубля фунтъ.

Иногда тутъ-же внезапно бумага продается за двадцать пять рублей пудъ, потому то продавецъ напоминаетъ, что онъ все время принималъ въ соображеніе розничную цѣну мясныхъ консервовъ, а это—бумага. Иногда тоже внезапно онъ настойчиво требуетъ сто двадцать рублей за пудъ, потому, то телефонный звонокъ приноситъ ему рыдающую новость о неудачной сдѣлкѣ съ мукой.

Твердые цѣны на бумагу установлены только въ тѣхъ случаяхъ, когда на ней уже напечатаны облигаціи „займа свободы“: при этомъ условіи ее всегда продаютъ охотно и согласны на половину.

IV.

Наборомъ называется тотъ самый процессъ, во время котораго каждое слово рукописи набирается особыми металлическими буквами—наборщикомъ, или на машинахъ. Специально для этого приспособлены особые учрежденія подъ незамысловатыми названіями: типографіи.

Раньше издатель, или авторъ, приходили въ типографію съ книгой, заранее увѣренные въ успѣхъ своей миссіи. Типографъ осматривалъ рукопись и ласково предлагалъ свои услуги.

— Я цѣлую жизнь мечталъ о томъ, чтобы передъ смертью выпустить изъ своей типографіи такую прекрасную книгу. Я буду носить ее съ собою въ гости и гордиться.

Обнаглѣвшій авторъ весело поддакивалъ и требовалъ, чтобы книжка была тутъ-же немедленно набрана при немъ.

— Говорятъ, что въ Сѣверной Англій это можно. А почему у насъ нельзя?

Сходились на томъ, что книга будетъ готова черезъ двѣ недѣли, а если типографъ зарабатывалъ на ней сумму достаточную только для покупки подержаннаго буфета, онъ считалъ, что ему посланъ кладъ.

— Даже не похоже. Въ котелкѣ, съ палочкой, а—кладъ. И откуда только такіе люди берутся.

Теперь, когда авторъ проситъ типографа набрать его книгу, на него смотрятъ какъ на человѣка, который предлагаетъ устроить танцевальный вечеръ въ товарномъ вагонѣ.

— Набрать книгу? Приготовить? Черезъ два мѣсяца? Мы книгами не занимаемся.

— Позвольте—извиняюще доказываетъ авторъ—я понимаю, если-бы книгу надо было перемолоть, сдѣлать изъ нея кружева, или прохладительный напитокъ, но вѣдь у васъ типографія...

— Это вамъ такъ кажется—сухо отвѣчаетъ типографъ.

Отчасти онъ правъ. Наборщики народъ сознательный, отзывчивый, интересующійся судьбами родины и у нихъ не часто теперь представляется возможность набирать. Наборные машины настолько еще не усовершенствованы, что если машинистъ уйдетъ на митингъ, ни одна машина не будетъ набирать текста, не дожидаясь его возвращенія. Она демонстративно будетъ стоять и ждать его возвращенія.

Наборщики набираютъ въ зависимости отъ того, кто и чѣмъ изъ нихъ интересуется. Тѣ изъ нихъ, которые заняты разрѣшеніемъ судебъ малыхъ народностей балканскаго полуострова, по пятницамъ должны выносить опредѣленные резолюціи и едва-едва успѣваютъ найти одну букву, подобрать къ ней другую, перевязать обѣ крѣпкой

бичевкой и уйти. Возмущенный этимъ типографъ хмуро клянется въ ненависти къ демократіи и рѣшаетъ бороться открыто.

Для этого онъ беретъ съ автора лишнихъ семьсотъ рублей за наборъ.

— Классовая борьба, такъ классовая борьба...—угрюмо шепчетъ онъ.—Я тебѣ покажу классовую перегородку въ девятьсотъ рублей.

Черезъ семь мѣсяцевъ авторъ, или издатель получаютъ извѣщеніе, что еще два-три высокосныхъ года и книга будетъ готова.

— Это будетъ—небольшое изящное изданіе на плотной бумагѣ, украшенное виньетками и поступить въ продажу по очень дешевой цѣнѣ—опрометчиво рассказывалъ авторъ своимъ знакомымъ.

Издатель, какъ существо болѣе чуткое и отзывчивое, мыслить нѣсколько иначе.

— Я предполагалъ пустить книгу по два рубля. Мнѣ самому она стоитъ три съ половиной. Если я выпущу пять такихъ книгъ и буду ихъ продавать по два рубля, мнѣ придется продать свой домъ и наняться къ новому домовладѣльцу въ дворники. Я не хочу идти въ дворники.

Изъ-за этого нежеланія перемѣнить профессію, книга поступаетъ въ магазинъ съ лаконической и не вызывающей улыбки помѣткой: семь рублей.

Хозяинъ книжнаго магазина, человекъ жизнерадостный и смотрящій на жичнь розово, сразу же понимаетъ эту цифру какъ удачную, интимную, лишь для немногихъ понятную шутку.

Некультурные приказчики просто развязно смѣются и накладываютъ на цѣну большую налѣпку, на которой въ свободное время пишутъ любую цифру, чѣмъ-либо понравившуюся. У одного приказчика считается счастливымъ число: 18. Другой ставитъ число по календарю. Третій ставитъ сумму цифръ изъ цѣнъ четырехъ первыхъ попавшихся подъ руку книгъ. Здѣсь соблюдается только одно мистическое правило: цифра должна быть двухзначная.

Послѣ этихъ обрядовъ книга попадаетъ въ руки читателя; куда попадаетъ самъ читатель, заплативъ двадцать рублей за тощую книжонку—не стоитъ говорить...

VI.

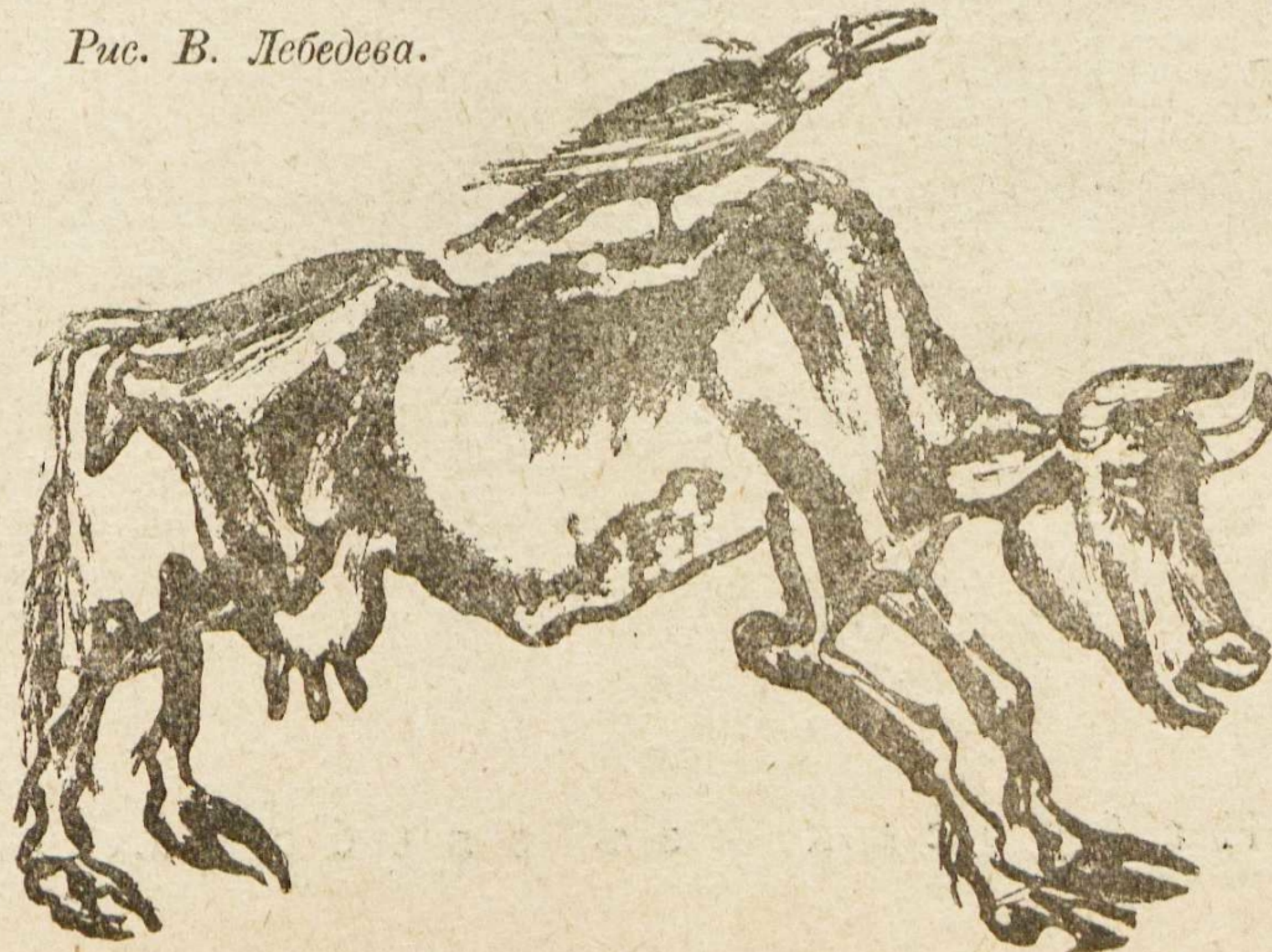
Таковы пути книги. Если бы объ этомъ зналъ въ свое время Гуттенбергъ, онъ изобрѣлъ бы не книгопечатный станокъ, а патентованную мухоловку. Многимъ отъ этого было бы легче.

Арг. Буховъ.

МОЯ СУДЬБА.

Я зорко вглядываюсь, по волчьей рыщу.
Въ потемкахъ будущаго—тамъ притаились года.
Послушные зародыши получаютъ отъ Бога пищу
И терпѣливо ждутъ, пока придетъ череда...
Я знаю—красные когти вонзять стихія
Въ дряблую Европу... Не останется и слѣда
Отъ увѣсистыхъ троновъ, а ты, Россія,
Будешь просвѣтленной и мудрой, какъ никогда.
Я знаю—когда двадцатому
придется худо.
И заострится хищный передъ
смертію носъ,—
Придетъ наслѣдникъ—юноша,
приносящій чудо
И украситъ ложе отцовское
гирляндами розъ
.....
Но придетъ человекъ двадцать
перваго вѣка,
Погрузится въ книги былыхъ
временъ,
Когда на землѣ жилъ безум-
ный калѣка,
И было мало пѣсенъ и много
похоронъ

Рис. В. Лебедева.

Станетъ перелистывать за страницей страницу,
Широко раскроетъ изумленные глаза,
Увидитъ голубя—трепетную птицу,
Чье тѣло неутѣшная искала слеза.
Увидитъ мясо, груды мяса, а надъ ними—тропинки,
Чтобы можно было всѣмъ пройти,
Подъ фанфары, флейты и даже подъ сурдинки
Всѣмъ властителямъ черезъ войны на всемірныя пути.
Я дрожу, я чувствую какъ шелестятъ страницы,
Я вижу голову надъ кипюю книгъ...
Ехидная истина и ни одной небылицы;
Я жалкій, беспомощный предъ потомкомъ поникъ.
Что съ нимъ, отчего онъ отбросилъ книгу,
И лицо свѣтлое руками закрылъ?..
Онъ увидѣлъ какъ хлестали душу—растригу,
И ангеламъ обрывали остатки крылъ.
Онъ увидѣлъ смѣхъ и дьявольскую гримасу,
Оскаленной пасти торчащій клыкъ,
Онъ увидѣлъ, какъ дикому отдавшись плясу,
Рвалъ красное въ клочья двуногій быкъ...
Онъ увидѣлъ бунтарства убитое тѣло
И знаки распятія у мечты на лбу...

Мое сердце еле бьется, оно похолодѣло,
Оно не хочетъ повѣрить въ мою судьбу...

Александръ Флитъ.

ВОЛЧЬИ ЯГОДЫ.

Не потрафил.

Максимъ Горькій рассказываетъ о томъ, какъ перестарались большевистскіе малярныхъ дѣлъ людишки:

Одинъ изъ рабочихъ районовъ Петрограда устроилъ театр, обрамленіе для сцены было написано весьма даровитымъ художникомъ и изображало мускулистыхъ рабочихъ, съ засученными рукавами, фабрики, фабричныя трубы. — все это сдѣлано въ стилѣ кубизма.

Рабочіе, посмотрѣвъ на это искусство, рѣшительно заявили: — „Уберите это, этого намъ не нужно! Намъ нужно, чтобы въ насъ поддержали и развили любовь къ природѣ, къ полю, лѣсу, къ широкимъ пространствамъ, наполненнымъ живой игрою красокъ и солнца. Поддержите въ насъ любовь къ красотѣ намъ не нужно скуки ежедневности!“

Кормить простого рабочаго футуризмомъ Альтмана все равно, что накормить голоднаго человека жареными въ машинномъ маслѣ обойными гвоздями.

Остро, но не сытно.

А, вообще, до чего все сейчасъ загрязнилось, потускнѣло и осѣрѣло.

Вы знаете, на примѣръ, о чемъ читался въ Союзѣ Драматическихъ Писателей докладъ?

Вотъ:

Докладъ И. А. Вермишева „Марксизмъ, какъ факторъ театральнахъ коллизій для пролетарскихъ театровъ“.

Май мѣсяць, душистая сирень, розовыя дѣвичьи губы и... марксизмъ, какъ факторъ театральнахъ коллизій для пролетарскихъ театровъ.

Поистинѣ, Россія сейчасъ царство мокриць и могильныхъ червей.

А Вермишевъ сидитъ, навѣрное, у себя дома и радуется:

— Боже мой, какой я умный!..

Тоцища!

На засѣданіи Центр. Исполн. Комитета происходятъ задушевныя дружескія бесѣды

Сараговскія событія — говоритъ Свидерскій, обращаясь къ Мартову и Абрамовичу — происходили при вашемъ участіи.

— Лжець, — восклицаетъ Мартовъ, — вы лжете, привлечите меня къ суду за то оскорбленіе, которое я наносу вамъ...

Рис. В. Лебедва.

Наброски изъ альбома.

Птичка прыгаетъ на вѣткѣ. Бабы ходятъ спать въ овинѣ. Честь имѣемъ васъ поздравить со днемъ вашихъ именин!

Аванесовъ призываетъ Мартова къ порядку.

Сухановъ съ мѣста заявляетъ:

— Слова Мартова, единственный способъ заставить привлечь его къ суду. Если вы этого не сдѣлаете, обращается Сухановъ къ Сви-дерскому, то вы прохвостъ.

Шли два пріятеля вечернею порой

И дѣльный разговоръ вели между собой.

Скучные, не нужные для Россіи люди уныло грызутся на трупѣ погубленной Россіи, а въ садахъ сверкаетъ свѣжая, омытая теплымъ дождикомъ зелень, а въ лѣсу тысячеголосый гомонъ пгиць и тихо журчитъ по камешкамъ прохладный прозрачный ручеекъ...

Насущное, неотложное дѣло.

Все предусмотрѣть—таковъ девизъ правящей власти:

Совѣтъ Нар. Комиссаровъ, по докладу Народнаго Комиссара по народному образованію А. В. Луначарскаго постановилъ ассигновать одинъ миллионъ рублей на созданіе памятника Карлу Марксу на его могилѣ въ Лондонѣ.

Въ этомъ проэктѣ много здраваго смысла и истинной любви къ покойному.

А именно: такъ какъ Марксу, по милости большевиковъ придется еще ни одинъ разъ перевернуться въ гробу, то во избѣжаніе этого и ставится на могилу русскій памятникъ.

Придавать—не перевернешься.

Круги дантова ада.

По новому декрету Петроградцевъ предположено кормить хлѣбомъ по категоріямъ... Рабочіе получаютъ 1/2 фунта хлѣба... Въ эту категорію входятъ печатники, дворники, прачки, гладильщицы...

Въ третью категорію входятъ писатели, инженеры, артисты и парикмахеры... Они будутъ получать 1/8 фунта въ день.

И такъ Шекспиръ, Эйфель и Гаррикъ должны жить на осьмушку.

А чтобы имъ не было обидно, имъ въ компанію дали парикмахера.

Эго концентрическое распредѣленіе по категоріямъ не напоминаетъ - ли круговъ Дантова ада: въ одномъ кругу плохо, а въ другомъ еще хуже...

Головотяпы.

„Красная газета“ добросовѣстно описываетъ свою платформу:

Мы бьемъ враговъ звѣрски, беспощадно, купаясь въ ихъ крови, но не иначе, какъ въ открытомъ, честномъ бою!

„По чужую голову итти—свою нести“, это мы знаемъ и несемъ ее, свою голову, гордо и высоко приподнятой:

— Сруби, если можешь, но берегись: промахнешься, твоя полетитъ!

Подставляя такъ храбро свою голову „Красная газета“ знаетъ, что ничѣмъ не рискуетъ: потерявъ даже этотъ бесполезный для нихъ отростокъ, красногазетчики стануть ни глупѣе, ни умнѣе... Только ростъ убавится.

Минимумъ гостепріемства.

„Заря Россіи“ сообщаетъ, что въ Кіевѣ русскую мирную делегацію принимаютъ довольно привѣтливо:

Делегаціи была предоставлена гостинница „Марсель“ и номера въ другихъ гостинницахъ, откуда по ордеру управленія коменданта жильцы были ночью выброшены прямо на улицу.

Съ ними здѣсь не церемонятся, въ виду страшнаго переполненія Кіева, особенно нѣмцами. Недавно трое нѣмецкихъ офицеровъ выгнали ночью изъ номера трехъ русскихъ, заявивъ:

Кто сильнѣе, тотъ спитъ въ комнагѣ, а кто слабѣе—на дворѣ.

А говорятъ: державная Украина.

За какое мѣсто она только держится—неизвѣстно.

Средневѣковье.

Съ одной стороны радио-телеграфъ, съ другой времена, эпоха Гришки Отрепьева. Газеты сообщаютъ.

Большое впечатлѣніе произвело на населеніе Москвы наблюдавшееся недавно на небѣ явленіе огромнаго креста. Въ различныхъ пунктахъ Москвы оказалось много очевидцевъ этого рѣдкаго явленія.

Наблюдалось оно приблизительно въ одно и то же время между 6 и 7 часами вечера. Облака дали совершенно правильныя трещины, образовавшія геометрически правильныя начертанія креста. Лучи вечерняго солнца окрасили края креста въ розоватый цвѣтъ.

Видѣніе креста на очевидцевъ, по ихъ словамъ, произвело жуткое впечатлѣніе.

Итакъ: резюме?

Да простое. Надъ Москвой поставленъ крестъ.

Ново! Только у насъ въ Россіи.

Сценка, которую наблюдали въ центрѣ Петрограда:

Группа простонародья окружаетъ бывалаго человѣка:

Съ бойкой улыбкою онъ говоритъ, показывая сорокарублевую „керенку“:

— Подсунулъ какой-то подлець фальшивую. Вросить жаль. Можетъ быть, купите. Уступлю за тридцать семь!

— Поддѣлана не важно,—замѣчаетъ котелокъ, посматрѣвъ на „керенку“.

— Будь чистая работа, я бы не продавалъ. Далъ бы ей ходъ.

— Двадцать восемь дамъ,—говоритъ чуйка съ мѣшкомъ за спиною.

— Проходите, товарищъ. По тридцать я у васъ сотню куплю.

— Ну, чего тамъ! Тридцать рублей бери.

— Мало.

— Дамъ тридцать пять „никлаевскими“,—рѣшительно заявляетъ солдатская шинель, отмахивая полу

Бывалый человѣкъ встряхиваетъ головою.

— Гдѣ наша не пропадала! По рукамъ.

Торгъ состоялся...

Вотъ это биржа такъ биржа! Вотъ это курсъ!

Цѣнности котируются такъ: дороже всего царскія деньги... Немного дешевле можно купить тысячерублевку съ Думой. Еще дешевле настоящую керенку. Совсѣмъ дешево—поддѣльную керенку. И, буквально за гроши вы можете купить поддѣльную керенку, сдѣланную плохо.

Вышла новая книга

Аркадія Бухова.

„Разговоръ съ соеѣдомъ“.

Изд. „Новый Сатириконъ“.

Почтовый ящикъ „НОВАГО САТИРИКОНА“.

А. Петроградъ.

Чернесу.—Изъ трехъ присланныхъ вами виньетокъ—одну узнали: женщина и павлинъ. Она категорически „заимствована изъ La vie Parisienne“. Что же касается другихъ, то...

„Единожды солгалъ, кто тебѣ повѣритъ“...

Де-Кретину.—Нехорошо вы пишете. Удареніе ставите на первой подвернувшейся гласной: грѣжданинъ, коршуны.

Это чешскій акцентъ, а не русская литература.

Поэту.—Не подошло.

Свирскому.—Тоже.

Рабочему Б.—Не совсѣмъ понимаемъ, чего вы хотите:

„За стихъ я хотѣлъ бы получить гонораръ (?)“

Что это? Лекарство? Кушанье? Оптический приборъ? Стихи же ваши таковы:

Только что завоюютъ гудки,

Уже иди на работу ты.

Можете же вообразить, какъ завоюютъ гудки, если работа ваша будетъ заключаться въ сочиненіи такихъ стиховъ. Не пишите.

Мань Брясовой.—„Почему не выходитъ милый „Барабанчикъ?“

Его закрыла коммуночка безъ объясненія причиночекъ.

Альду.—Альдъ сообщаетъ съ кроткимъ выраженіемъ лица: „Я въ своихъ стихахъ преслѣдую, главнымъ образомъ, художественность“...

Именно, что преслѣдуете. Пожалѣли бы вы ее.

Герасиму Огурцу.—Огурецъ сей настроенъ рѣшительно контръ-революціонно...

Сочинилъ острогу.

— Вы знаете, Россія сейчасъ самая еврейская страна въ мірѣ

Почету?

— Обрѣзана со всѣхъ сторонъ“.

Не хихикайте, Огурецъ.

Л. П. К. (Наменный остр.)—„Нина Петровна подняла край юбки и тутъ (?) обнаружилась изящная нога; одѣтая (?) въ щегольской туфель (?)“.

При дороговизнѣ сукна суконный языкъ теперь, пожалуй, цѣните мясного.

Б. Провинція.

Ввиду того, что провинція теперь отошла отъ Россіи и распалась на отдѣльные республики—этотъ отдѣлъ временно упраздняется.

Авс.

Редакторы: { А. Т. Аверченко.
Арк. Буховъ..

Издатель: Т-во „Н. Сатириконъ“.
Петроградъ, Невскій пр., 88. — Тел. 59-07.

6-й годъ изданія.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на еженедѣльный журналъ САТИРЫ и ЮМРА

на 1918 годъ.

„Новый Сатириконъ“.

52 №№ обильно иллюстрированнаго
журнала въ краскахъ.

2 цѣнныхъ премій (бесплатно).

за 12 мѣс. (съ преміями)—30 руб. за 6 мѣс.—15 руб., за 3 мѣс.—

7 р. 50 к. и за 1 мѣс. 2 руб. 50 коп.

Адресъ редакціи и конторы: Петроградъ, Невскій пр., 88. Тел. 59-07.

Готовится къ выходу въ свѣтъ новая книга пьесъ

АРК. АВЕРЧЕНКО.

Въ эту книгу, кромѣ новыхъ пьесъ, войдутъ и прежнія изъ первыхъ сборниковъ, цѣликомъ разошедшихся.

Издательство „НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“.

Петроградъ, Невскій пр., 88. — Телефонъ 59—07.

Выписывающіе со склада издательства на сумму не менѣе 5-ти руб. за пересылку не платятъ.

Вышли въ свѣтъ и поступили въ продажу слѣдующія книги:

Аркадій Аверченко.

- Синее съ золотомъ.**
Цѣна 3 руб. 50 коп.
- Подходцевъ и двое другихъ**
Цѣна 3 руб. 50 коп.
- О хорошихъ въ сущности людяхъ**
Цѣна 3 руб. 50 коп.
- Чернымъ по бѣлому.**
Цѣна 3 руб. 50 коп.
- О маленькихъ для большихъ.**
Цѣна 3 руб. 50 коп.
- Для выздоравливающихъ.**
Цѣна 3 руб. 50 коп.
- Сатириконцы въ Европѣ.**
Цѣна 3 руб. 50 коп.
- Чудеса въ рѣшѣтѣ.**
Цѣна 3 руб. 50 коп.

Тэффи.

- Неживой звѣрь.**
Цѣна 3 руб. 50 коп.
- Ничего подобнаго.**
Цѣна 3 руб. 50 коп.
- Дымъ безъ огня.**
Цѣна 3 руб. 50 коп.
- Карусель.**
Цѣна 3 руб. 50 коп.
- Аркадій Буховъ.**
- Чортово колесо.**
Цѣна 3 руб. 50 коп.
- Тихія неприятности.**
Цѣна 3 руб. 50 коп.
- Жуки на булавкахъ.**
Цѣна 3 руб. 50 коп.
- Разговоръ съ сосѣдомъ.**
Цѣна 3 руб. 50 коп.

НОВОСТЬ.

Поступили на книжный складъ
„НОВАГО САТИРИКОНА“.

НОВОСТЬ.

Въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ

Слѣдующія изданія:

Маркъ Твэнъ. Полное собраніе на прекрасной плотной бумагѣ; въ изящныхъ красочныхъ переплетахъ.—12 томовъ. Цѣна 40 р. — к.
Отдѣльные законченные томы по 3 » 50 »

Изящныя изданія въ красочныхъ переплетахъ:

Азовъ, Влад. „Цвѣтная стекла“ . . . 3 » — »
В. М. Дорошевичъ. „На смѣхъ“ . . . 3 » — »
Озаровская. „Мой репертуаръ (сборн. монологовъ для сцены) 3 » 50 »
О. Л. Д'Орь. „Рыбы пляски“ 3 » — »
О. Л. Д'Орь. „О сѣренкихъ людяхъ“ . 3 » — »

Роскошныя изданія для подарковъ:

Экспедиція въ западн. Европу—Арк. Аверченко—иллюстриров. альбомъ больш. форматъ, въ переплетѣ 8 » — »

Всеобщая исторія, въ переплетѣ, иллюстр. (больш. форматъ) 6 р. — к.
Галлерея градоначальниковъ города Глухова. 6 » — »
Комплекты журн. „Сатириконъ“ за 1909, 1910 и 1911 г.г. (библиографическая рѣдкость). Въ перепл. 25 » — »
Безъ перепл. 20 » — »
На веленовой бум. въ перепл. 40 » — »

* * *

Юрій Бѣляевъ. „Красный кабачекъ“ . . 2 » — »
О. Л. Д'Орь. „Русская Исторія“ иллюстр. 2 » 50 »
Юмористическіе рассказы Л. Андреева и А. Куприна, 2 тома 3 » — »
Сокровища искусства—большой альбомъ пародій на знаменит. произв. иск. . . 5 » — »
Монографія объ иностр. карриатурѣ—А. Радакова 3 » — »

Высылка книгъ производится по полученіи стоимости заказа.

Книжнымъ магазинамъ—скидка обычная.

ИЗЪ ИСТОРИЧЕСКАГО АЛЬБОМА.

Торжественное перенесение столицы въ 1918 году.